

VI. ЛЮДИ И СУДЬБЫ

Р. Ш. Ганелин

М. В. ДЖЕРВИС (БРОДСКИЙ) — СОТРУДНИК ЛЕНИНГРАДСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ

Михаил Владимирович Джервис (Бродский) проработал в Историко-археографическом институте, а затем в ЛОИИ 10 лет. Его вклад в историческую литературу, весьма значителен, но ряд его работ остался неизданным. Единственные оказавшиеся доступными сведения о его политической ориентации, помимо сообщенного им в автобиографиях, сводятся к тому, что на собрании сотрудников ЛОИИ 21 марта 1937 г. по поводу В. Н. Кашина, после которого тот был арестован и расстрелян, он, как и многие другие, занимал обвинительную позицию.

В его личном деле в Петербургском филиале Архива РАН (ф. 133, оп. 3, ед. хр. 88) сохранились его краткое Curriculum vitae (л. 12–13), составленное не ранее 1931 г., и более пространная автобиография (л. 21–28), также не датированная, написанная не ранее 1935 г., а также список трудов в нескольких вариантах. На этих материалах преимущественно и основана настоящая заметка

М. В. Джервис-Бродский родился в Киеве в 1899 г. Отец его, врач, участник русско-японской и Первой мировой войны, умер в 1917 г. Мать вышла замуж вторично за Нафталия Ароновича Френкеля (1883 или 1887–1958 или 1960). Человек этот, прежде пользовавшийся громкой славой одного из руководителей сталинских строек, после выхода солженицынского «Архипелага ГУЛАГ» стал известен своей ролью в создании системы лагерного труда. Десятилетний срок заключения, полученный им в 1923 г. за превышение власти и вымогательство, не помешал его карьере в ОГПУ–НКВД, которую он начал резидентом в Константинополе и кончил генерал-лейтенантом инженерно-технической службы в 1947 г. Освобожденный в 1927 г., он вскоре стал секретным сотрудником ГПУ на Соловках, занимался созданием «черной биржи» — скупкой драгоценностей в Одессе. Есть сведения о его письме Сталину и их встрече. Затем в 1931 г. он — в ГУЛАГЕ, помощник начальника Беломорстроя (с 1932 г.), начальник строительства БАМа (с 1937 г.). Арестованный в 1937 г., он был выпущен и с начала 1940-х гг. руководил железнодорожным строительством как начальник Главного управления железнодорожного строительства НКВД, заместитель наркома путей сообщения по железнодорожному строительству, начальник Главного управления лагерей железнодорожного строительства.¹

В Curriculum vitae М. В. Джервиса об отчине, не названном по имени, сказано: «До 1905 г. с.-д., журналист, после пятого года отошел от партии и занялся издательской

деятельностью, был редактором-издателем большой провинциальной лево-буржуазной газеты; в настоящее время — отв. работник одного из наркоматов Союза, крупный организатор-хозяйственник, награжденный орденом Ленина». В автобиографии М. В. Джервиса читаем: «Мой отчим (второй муж моей матери) — Нафталий Аронович Френкель, в настоящее время — ответственный работник НКВД, известный стране по строительству Белбалтканала, одним из главных руководителей которого он являлся». Но вслед за этой горделивой фразой М. Джервис прибег к казавшейся ему не лишней по отношению к знатному отчиму осмотнительности, для которой, как известно читателю, были веские причины. «Вдаваться здесь в его биографию, как и в тесно связанную с нею биографию моей матери, — продолжал он, — я не считаю уместным; отмечу лишь, что моя мать в настоящее время живет за границей, куда уехала в 1919 г. с малолетними в то время детьми от второго брака к находившемуся тогда в Константинополе Нафталию Ароновичу. Связи с матерью я не поддерживаю по личным мотивам; по последним полученным мною сведениям, мать моя в 1933 г. находилась в Болгарии». Но, порвав с находившейся за границей матерью, не сохранил ли он отношений со столь известным в СССР отчимом, состоявшим в другом браке (с А. П. Соцковой) — об этом М. В. Джервис ничего не сообщал.

Свой жизненный путь он описывал следующим образом. В 1918 г. окончил гимназию в Николаеве и подал заявления о поступлении в Киевский университет одновременно на юридический и историко-философский факультеты. Но к занятиям приступить не успел, так как университет был закрыт правительством гетмана Скоропадского. В 1920 г. поступил на экономический факультет Одесского политехнического института народного хозяйства. Однако тяжелая болезнь, возобновлявшаяся и в дальнейшем, воспрепятствовала продолжению учебы. С мая 1923 г., когда болезнь, как выразился в автобиографии М. В. Джервис, дала ему «продолжительный отпуск», он возобновил сотрудничество в газетах, которое начал еще в 1915 г. выступлениями на литературные и театральные темы. Теперь газетная работа носила большевистский партийный характер. Вот как в соответствии с нравами и требованиями того времени рисовал М. В. Джервис в автобиографии формирование своего мировоззрения, с одной стороны, показывая его революционный, большевистский характер, а с другой — объясняя свою беспартийность. «Я вырос в журналистско-литературной среде левой ориентации, — писал он. — Преобладала в ней околопартийная интеллигенция; из партийных большевиков помню только Ф. Я. Кона (в 1905–1906, должно быть, годах), литератора Ф. П. Шипулинского и таинственного „Павла Карловича“, которого, как я теперь восстанавливаю, моя мать укрывала от полиции в 1905 году и в котором предполагаю теперь покойного большевика П. К. Штернберга. Были в этой среде и меньшевики и эсеры, Д. М. Кокизов, — других я не помню, но кадетов в ней не было.

Во время империалистической войны настроение в нашей семье было определенно пораженческое. Это я отчетливо помню.

Для характеристики своих политических настроений последнего года пребывания в школе сошлюсь на два факта: председательствование свое в союзе учащихся в период его „контактной работы“ с советскими органами после Октябрьской революции и свое участие (совместно с учеником технического училища М. Другиным, погибшим впоследствии от рук белогвардейцев в Каховке) в обороне Николаева от германских оккупантов и „войск“ Центральной рады в марте 1918 г.; но определенных и устойчивых

политических взглядов у меня в то время не было: их не могла привить мне ни семья, где я рос в известной изоляции от „взрослых”, ни школа, в которой в политическом смысле было глухо и пусто, ни состав моих школьных товарищей, в большинстве буржуазных и офицерских сынков. О моих политических настроениях в 1917–1918 годах хорошо знает б. зав. Культпросветом Ленгоркома ВКП(б) Д. В. Ермолов».

Эта ссылка показывала, что речь шла не о приватном экскурсе в свое прошлое, а о необходимом его изложении с критической самооценкой. Впоследствии это стало общим приемом политической практики китайской компартии. Имея в виду 1923 г., М. В. Джервис продолжал: «К этому времени окончательно оформились мои политические взгляды, безоговорочно поставившие меня на платформу коммунистической партии, начало вырабатываться марксистско-ленинское мировоззрение, теоретический фундамент которого я заложил путем самостоятельной работы над собой. С этого времени я по совету одесских большевиков Д. И. Кардашева, зав. Губистпартом И. А. Хмельницкого и старого политкаторжанина С. И. Мартыновского начал научную работу в области истории рабочего движения в Одессе. Однако путь к естественному завершению моей политической самоорганизации — подачи заявления о вступлении в партию — был сильно заторможен тем, что я с трудом изживал в себе наследственные и благоприобретенные навыки одиночки интеллигента. Практически это сказывалось в том, что у меня всегда отсутствовала связь с массой, а необходимость органического вхождения в коллектив сознавалась мной лишь в теории: для интеллигента же одиночки естественным образом не было пути к вхождению в партию».

Помимо множества газетных статей, он стал исследователем истории революционного движения в Одессе. Причем случилось так, что с самого начала его работа приобрела политическое звучание. Это не было тогда редкостью, но у него это носило очень уж ярко выраженный и даже необыкновенный характер. «Первая же моя небольшая работа, имела неожиданный практический результат. На основании этой работы и положенных в основу ее материалов были привлечены к судебной ответственности штрейкбрехеры, сорвавшие одесскую стачку трамвайщиков во время всеобщей забастовки 1903 г. По этому делу, привлекая к себе большое внимание одесской рабочей общест-венности, я вызывался в качестве эксперта во время предварительного, а затем судебного следствия», — не без гордости сообщал М. Джервис в автобиографии.

Однако сейчас же ему пришлось перейти к покаянию. Дело в том, что, начав в 1927 г. работу в области истории Украины и Польши, он избрал своим руководителем одесского профессора М. Слабченко, который оказался, по словам М. Джервиса, «уличенным впоследствии в контрреволюционной фашистской работе и осужденным по делу С. В. У.»² «Признавая непростительную ошибочность обращения к подобному „руководству”, я хотел бы все же дать объяснение этому странному выбору, — писал Джервис. — Дело в том, что Слабченко, стремясь обойти бдительность советских организаций и замаскировать свою контрреволюционную деятельность, не жалел красок на создание вокруг себя ореола сторонника марксистской теории, чуть ли не единственный из украинских буржуазных историков вплотную цитировал Маркса и Ленина, а главное, притворялся, что стоит в оппозиции ко всей украинской шовинистической буржуазной науке, ко всем этим Ефремовым Ко, которые, как потом оказалось, входили в одну с ним организацию и преследовали общие с ним контрреволюционные цели. Этой-то своей маскировкой Слабченко и обошел меня, как и многих подобных мне молодых и зеленых „марксистов”».

В отличие от Слабченко, которому, как это чаще всего бывало, не помогла его критика тех, из кого затем была составлена, вероятно следователями, СВУ (заблаговременность этой критики не помешала впоследствии признать ее притворной), М. Джервису удалось уцелеть, может быть, с помощью подачи заявлений против Слабченко после его ареста. И это несмотря на то, что он добивался прикомандирования к возглавлявшейся Слабченко кафедре Одесского института народного образования с большим трудом, прибегнув к помощи Главнауки РСФСР, Общества историков-марксистов и Ком-академии. Сопротивлявшихся прикомандированию сотрудников Наркомпроса Украины Джервис клеймил как «махровых шовинистов» и несколько лет спустя. Узнав об аресте Слабченко из-за болезни с опозданием, Джервис, по его словам, обратился с письменным протестом против деятельности профессора в Общество историков-марксистов и «сделал соответствующее заявление следственным органам».

С 1930 г. М. В. Джервис жил в Ленинграде, работая с продолжительными перерывами из-за болезни в Институте славяноведения, где руководил аспирантом У. А. Шустером, представившим работу на тему: «Экономическое развитие Польши во второй половине 19-го в. и учение Розы Люксембург по национальному вопросу». Затем он был сотрудником Историко-археографического института, в составе которого перешел в ЛОИИ, занимаясь преимущественно историей Польши. «Основное направление моей научной работы за последние годы, — писал он в автобиографии, — заключается в выпуске ряда критико-исторических работ, которыми я, с одной стороны, веду борьбу против буржуазно-фашистских извращений истории Польши современной польской наукой, а с другой стороны, вскрываю ошибки в области изучения истории Польши, допущенные люксембургской школой.³ Работы мои безусловно достигают своей цели, потому что даже рецензии мои воспринимаются польской печатью как „острая критика” ее „буржуазных тенденций”».

Однако несмотря на то что М. Джервису удалось в Ленинграде «политически заострить» свою научную деятельность, как он об этом удовлетворенно сообщал, он стал автором ряда работ, имевших в то время с учетом его обстоятельств и серьезное научное значение. К статьям о революционном и профессиональном движении в Одессе, брошюре «Волнения петербургских рабочих накануне мировой войны» (М., 1925), статьям «„Пораженчество” и „оборончество” в рабочих массах в начале империалистической войны» (Каторга и ссылка. 1927. Кн. 30), «Русская табачная фабрика в XVIII и XIX вв.» (Изв. Отд. общественных наук АН СССР. 1932. № 10) и других прибавилась серия статей по истории Польши в Большой советской энциклопедии и Советском энциклопедическом словаре. Наиболее значительной из них стал исторический очерк о Польше до Первой мировой войны (вторая часть его написана У. А. Шустером) в первом издании БСЭ.

Последним документом в личном деле М. В. Джервиса-Бродского (л. 50) является написанный К. Н. Сербиной отпуск справки 31 октября 1942 г. «в удостоверение того, что 15 ноября 1931 г. он был принят в Ленинградское отделение Института истории АН СССР в качестве научного сотрудника. 1 сентября 1934 г. переведен в ученые специалисты. С 1 августа 1936 г. работал в Институте в качестве старшего научного сотрудника вплоть до момента сокращения его в апреле 1942 г. по болезни». Сколько-нибудь достоверных сведений о его дальнейшей судьбе не имеется.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Благодарю В. С. Измозика и В. М. Лурье.

² Спілка визволення України (Союз освобождения Украины). Аресты по этому делу проходили в 1929 г.

³ Взгляды Розы Люксембург получили распространение среди польских и германских коммунистов и левых социал-демократов. Критика этих взглядов как полуменьшевистских носила особенно острый характер в письме Сталина в редакцию журнала «Пролетарская революция» «О некоторых вопросах истории большевизма» в 1931 г. Между тем последующие годы показали, что во многом оправдались именно предвидения Р. Люксембург, считавшиеся сходными с положениями К. Каутского и противопоставлявшиеся ленинским. В 1903 г. она стала на сторону меньшевиков по вопросу о членстве в РСДРП. Отвергала принцип самоопределения наций вплоть до отделения и образования самостоятельных государств. Империализм в ее понимании был не последней стадией капитализма, а только его политикой, причем на всем протяжении его истории, а не на его последней стадии, вопрос о которой вообще не поднимался. Р. Люксембург считала капитализм долговечным, исходя из того, что необходимое для его существования разьедание

и вытеснение докапиталистических хозяйственных форм — дело весьма продолжительное, так как капиталистическое производство составляло при жизни Р. Люксембург незначительную долю во всем мировом хозяйстве. При этом классовая борьба пролетариата с буржуазией отходила у нее на задний план, поскольку гибель капитализма она ставила в зависимость не от этой борьбы, а от сужения некапиталистической сферы.

Как представляется, «новопрочтенцы» из числа учеников А. Л. Сидорова в 1950–1970-х гг., П. В. Волобуев, К. Н. Тарновский, А. М. Анфилов и другие во многом шли за Р. Люксембург не только в теоретических выкладках, но и в специальных исследованиях. Достаточно упомянуть дискуссию по поводу значения ленинского термина «военно-феодальный империализм», признание возможности временной утраты гегемонии в революционной борьбе, теорию многоукладности, работы о характере развития капитализма в деревне и роли ремесленного производства. Отсутствие у «новопрочтенцев» ссылок на Р. Люксембург может быть объяснено соображениями безопасности. Но и их критики, насколько известно, не обвиняли их в следовании ее взглядам.

А. Б. Давидсон

ПЕРВАЯ БЛОКАДНАЯ ЗИМА*

Воспоминания

Начало

Война застала меня на Волхове, в глухой деревушке под Киришами, в нескольких часах езды от Ленинграда. Сестра мамы работала в геодезической партии. И взяла меня с собой — отдохнуть после школы.

Я перешел в пятый класс. Церемонию в школе обставили торжественно. Каждому вручали табель успеваемости. Показали фильм «Волга-Волга» (мы видели его уже не

* Алексей Николаевич Цамутали участвовал во многих коллективных трудах по истории блокады. Его очерк «Вторая блокадная зима» издавался трижды. Поэтому мне казалось уместным в сборнике, посвященном юбилею Алексея Николаевича, опубликовать эти краткие воспоминания о первой блокадной зиме.